

Венди Холден

**ДЕТИ ЛАГЕРЕЙ
СМЕРТИ**

Рожденные выжить

Издательство АСТ
Москва

УДК 94(100)»1939/45»
ББК 63.3(0)62
Х71

Wendy Holden
BORN SURVIVORS

Печатается с разрешения издательства Little, Brown Book Group Limited
и литературного агентства Nova Littera SIA.

Холден, Венди.

Х71 Дети лагерей смерти. Рожденные выжить / Венди Холден/
пер. с англ. Ю. Минц – Москва: Издательство АСТ, 2015. –
352 с. – (История де-факто).

ISBN 978-5-17-093103-3

История трех женщин, которые смогли пронести новую жизнь сквозь ужасы нацизма. Мужество, решимость и удача не покидали трех молодых матерей на протяжении всей войны, эти же качества помогали им заново выстроить свою жизнь в мирное время. Приска, Рахель и Анка, не подозревая о существовании друг друга, прошли свой путь из счастливого детства в амбициозную юность, но голубое небо затянулось колючей проволокой, и воздух наполнился пылью из праха миллионов беззащитных людей. Девушки стойко переносили удары судьбы, откладывая слезы и переживания до момента своего освобождения. Каждая из них верила, что ее будущий ребенок — единственное в своем роде чудо, и любой врач подтвердил бы эти соображения...

УДК 94(100)»1939/45»
ББК 63.3(0)62

ISBN 978-5-17-093103-3

© Wendy Holden, 2014
© Юлия Минц, перевод
© ООО «Издательство АСТ», 2015

ВСТУПЛЕНИЕ

Иногда просто жить – это уже мужество.

Сенека

Эта книга посвящена храбрости и стойкости трех женщин и их детей, рожденных в мире, обращенном против них.

Три беременные женщины. Молитвы трех семей о светлом будущем. Трое детей, рожденных в невообразимых обстоятельствах. Появившись на свет, они весили меньше полутора килограммов, их отцы уже были убиты нацистами, а матери в концентрационном лагере превратились в «живых скелетов», хватающихся за каждый вздох. Однако женщины смогли выжить. Несмотря на все препятствия, их дети – тоже. Семьдесят лет спустя трое родных по духу сошлись вновь, чтобы рассказать поразительные истории своих матерей, победивших смерть и подаривших отпрыскам жизнь. Эти трое родились, чтобы выжить.

ОТ АВТОРА

Все три истории были тщательно собраны и записаны благодаря семейным архивам и интервью троих выживших. Все факты подкреплены скрупулезными расследованиями и подтверждены свидетельствами живых и мертвых. Независимые специалисты по возможности проверили свидетельства, опираясь на архивные материалы и исторические записи. На основе общих сведений истории были собраны воедино.

Мы обязаны Венди Холден за ее сопереживание судьбам наших матерей и неиссякаемую энергию, с которой она отыскивала в истории военного времени их едва заметные следы. В ходе работы над книгой Венди не только поделилась с нами прежде неизвестной информацией, но и сплотила нас как братьев по духу. Мы благодарны ей за информацию обо всех жителях Горни-Бржизы, которые бескорыстно снабжали одежду и едой наших матерей и остальных заключенных двух концлагерей на нашем пути в «поезде смерти», идущем в Маутхаузен. Мы склоняемся перед усердием и мастерством, с которым Венди отслеживала и описывала все сложности на пути 11-й бронетанковой дивизии армии США, освободившей Маутхаузен и подарившей нам и нашим матерям будущее. Наши родительницы были бы счастливы узнать, что спустя столько лет их истории наконец-то будут рассказаны

от начала и до конца и событие это приурочено к нашему общему 70-му дню рождения и 70-й годовщине окончания войны. Мы благодарим тебя, Венди, добрая сестра, за помощь нам – людям, которые родились при режиме, желавшем нам смерти, но стали одними из последних, кто пережил Холокост.

*Хана Бергер Моран,
Марк Ольский и Ева Кларк,
2015*

ПРИСКА

«Sind sie schwanger, fesche Frau?» (*нем.* «Милочка, а ты у нас беременна?»))

Этот вопрос задал Приске Левенбейновой нацистский инквизитор. Вопрос сопровождала улыбка, офицер стоял, широко расставив ноги, осматривая ее сверху донизу и упиваясь предстоящим анатомическим открытием.

Доктор Йозеф Менгеле остановился при осмотре голы 28-летней словацкой учительницы, пока та тряслась от холода и смущения после многочасового путешествия в Аушвиц II-Биркенау. Это случилось в середине октября 1944 года.

Приска, едва достигавшая полутора метров ростом, выглядела моложе своих лет. Она стояла среди 500 таких же обнаженных женщин, незнакомых друг с другом. Все еврейки, все оцепеневшие от ужаса, все попали сюда после длительной дороги. Женщин по 60 человек сажали в закрытые грузовые вагоны. Их забирали из собственных домов, из гетто со всей Европы. В каждом поезде было до 55 вагонов.

Когда женщин привезли по печально известной железной дороге в Аушвиц, самое сердце нацистского комплекса пыток, на них накинута с криками «Raus!» («Вылезай!») и «Schnell, Judenschwein!» («Поторапливайся, жидовская свинья!»).

Толпу обеспокоенных женщин ведут не выражающие никаких чувств надзиратели, по сторонам стоят офице-

ры СС, все они безупречно опрятны, а их собаки рвутся с цепей. Нет смысла искать близких – женщин отделяли от мужчин, детей сразу бросали к старым и немощным.

Неспособных стоять и всех, у кого отнялись ноги от нескольких суток, проведенных стоя в душном вагоне, кололи штыками и подгоняли кнутами. Душераздирающие крики «Мои дети! Мои малыши!» зловеще повисали в промозглом воздухе.

Перед длинными колоннами обездоленных простирались два огромных кирпичных здания, печные трубы каждого из них изрыгали в свинцовое небо смолянистый черный дым. Серость окружающего мира была наполнена гнилостным, сладковатым запахом, проникавшим через ноздри и застревавшим где-то в горле.

Множество женщин от мала до велика, оторванные от своих родных и близких, просачивались в узкий коридор из колючей проволоки под напряжением – той же, что была растянута по периметру польского концлагеря. Женщины пребывали в состоянии шока, спотыкались друг о друга, их продолжали вести мимо печей, вдоль длинного рва, к одноэтажному зданию, одиноко стоящему посреди березовой рощи, – к душевой.

В этот момент им официально присуждали статус узников концлагеря и прежде всего вынуждали отказаться от всех чаяний и отдать всю одежду. Женщины громко выражали протест на разных языках, но в ответ получали угрозы и побои от эсэсовцев с винтовками.

Всех этих матерей, дочерей, сестер и жен направляли по широкому коридору в комнату, где другие заключенные остригали им практически каждый волосок на теле под присмотром немецких сторожей.

После такой обработки девушки переставали узнавать друг друга. Их выводили строем по пять человек на переключку снаружи здания, где им приходилось больше часа стоять босиком на холодной липкой глине, по-

сле чего женщины проходили второй этап «селекции». Инспекцию проводил мужчина, которого позже назовут «ангелом смерти».

Доктор Менгеле, одетый в свою неизменную серо-зеленую униформу, поблескивающую шевронами с «мертвой головой», держал в руках лайковые перчатки с широкими крагами. Темные волосы сильно напомажены, перчатки он перекладывал из руки в руку по мере обследования новых заключенных. Особенно его интересовали беременные. Когда подошла ее очередь, Приска Левенбейнова на несколько мгновений задумалась, как ответить улыбчивому офицеру с большой щелью между резцами. Она чуть помедлила, отрицательно затрясла головой и ответила на его языке: «Nein».

На тот момент срок ее беременности составлял 2 месяца, ребенок был долгожданным подарком для нее и ее мужа Тибора (которого Приска надеялась найти в лагере), и женщина совершенно не знала, спасет ли ее от чего-то высказанная правда или приведет к неминуемой гибели. Она осознавала, что находится в серьезной опасности. Одной рукой она прикрывала грудь, другой – то, что осталось от лобковых волос, и молилась, чтобы Менгеле принял на веру ее слова. Учтивый офицер СС на секунду задержался, чтобы взглянуть в лицо «милочки», прежде чем двинуться дальше. В трех заключенных от нее офицер схватил отшатнувшуюся женщину за грудь. Несколько капель грудного молока выдали, что она по меньшей мере на 16-й неделе, и Менгеле, махнув перчатками, убрал женщину из строя, после чего ее толчками отвели в угол площадки, где уже толпились остальные трясущиеся от страха будущие матери.

Никто из этих женщин не знал тогда, что одно направление означает жизнь, а другое – нечто совершенно иное. Судьба женщин, выбранных в тот день Менгеле, осталась неизвестной.

Йозеф Менгеле представлял большую опасность для Приски и ее чада, до чьего рождения оставалось много времени, но девушка не представляла, с чем ей придется столкнуться. В последующие месяцы голод стал ее главным врагом, однако умереть от голода было одним из наименее мучительных исходов.

Сестра голода – жажда – неистово мучила ее на протяжении всего заключения, вместе с истощением, страхом и болезнями. Беременное тело глодало само себя изнутри, а болезненная нужда в пище почти сломала ее дух.

Во времена особенно сильных мук Приска вспоминала, как прижималась носом к стеклу кондитерской лавки по пути в школу, перед тем как позволить себе свою любимую коричневую булку в сахарной пудре и цветной обсыпке. Воспоминание о том, как сладкие крошки булочки катятся на ее блузку в той кондитерской в Злате-Моравце, вмещало в себя все ее идиллически светлое детство в месте, которое ныне является частью Словацкой Республики. Известный добычей золота городок, где она выросла, находился приблизительно в ста километрах от Братиславы. Название одной из рек, протекающих поблизости, Златнанка, происходит от словенского слова «золото». Городок процветал, как и сообщалось в названии: большая церковь, гостиница, школы, целые проспекты магазинов, кофеен и ресторанов.

Родители Приски, Эмануэль и Паула Рона, владели самой именитой кошерной кофейней в городе – именно там собирались главные местные деятели. Благодаря удачному расположению в центре города у кофейни имелся красивейший дворик. Эмануэль Рона нашел это предприятие по объявлению в газете в 1924 году, когда ему было около сорока лет. В поисках прибыли Эмануэль принял твердое решение переехать с женой и детьми из глухого городка Стопков на границе с Польшей. Приска родилась 6 августа 1916 года, на момент пере-

езда ей уже исполнилось 8 лет, и каждый раз она вместе с семьей возвращалась в Стопков, чтобы навестить овдовевшего деда по материнской линии, Давида Фридмана, который владел таверной и был широко известен своими сатирическими памфлетами. Кафе в Злате-Моравце, как позже скажет Приска, всегда было красиво и безукоризненно чисто благодаря стараниям ее родителей и их работников. Помимо прочего, в кафе была отдельная комната, которую мать гордо звала «*chambre séparé*» – там находилось восемь музыкантов в черных костюмах, которые играли для посетителей каждый раз, когда мать одергивала кулису. «У нас были отличные музыканты и прекрасные танцоры. Кофейня с каждым днем хорошела. Я так нестерпимо любила свое детство». Мать Приски была на четыре года моложе отца и на голову выше него, невероятной красоты женщина, всегда гордившаяся своей семьей. После женитьбы она взяла словачское окончание к своей фамилии (-ова). Паула Ронова всегда подтверждала свою репутацию прекрасной жены, матери и повара, была исключительно мудрой женщиной, мало говорила и много думала. «Моя мама была моим лучшим другом». Отец же, напротив, был строг и всегда переходил на немецкий или идиш, если не хотел, чтобы дети слушали. Приска, с детства наделенная способностями к языкам, втайне все понимала. Эмануэль не отличался усердием в соблюдении формальностей, но понимал ценность семейной репутации, поэтому стабильно водил семью в синагогу на все значимые еврейские праздники.

«Очень важно было вести себя прилично именно из-за кофейни. Мы должны были представляться хорошей семьей, хорошими друзьями и хорошими владельцами, иначе люди перестали бы к нам ходить». Из пяти детей в семье Приска была четвертой, при рождении ей дали имя Пирошка. Старшим был Андрей – Банди. Следом

шли Елизавета – Боежка, и Аничка – «малышка Анна». Спустя несколько лет после рождения Приски на свет появился Юджин, кого чаще называли Яничко или Янко. Между Приской и Юджином был еще один ребенок, но он умер в младенчестве. В Злате-Моравце семья жила в комнатах, прилегающих к кофейне, там было достаточно места, чтобы выделить каждому ребенку отдельную спальню. Домашний сад спускался к полноводной речке. Приска была атлетичной активной девушкой, часто купалась в реке с друзьями и играла в теннис на заднем дворе. И Приска, и ее сестры были красавицами с блестящей россыпью черных волос, девочки всегда светились здоровьем и излучали радость. Местные дети с удовольствием играли с ними, а Приску вскоре стали нежно звать «Пири». «Не было разницы между евреем и неевреем, мы со всеми дружили одинаково». Все детство их окружали добрые женщины, которые относились к ним по-матерински, заботились, помогали с уроками. В их собственной семье питались хорошо, в меню каждого приема пищи обязательно присутствовало кошерное мясо. Всегда приносили десерт из кафе. Приска была сладкоежкой, ее любимым блюдом стал венский шоколадный торт с меренгой и абрикосовым вареньем.

В школе не преподавали религиозных дисциплин, но вся семья исправно молилась по пятницам, совершала ритуал омовения рук и только после этого садилась к изысканному шаббатному столу, украшенному изысканными серебряными подсвечниками и скатертью тончайшей работы. Приска была одной из шести девочек в классе, где училось 30 человек. Ее сестра Боежка была настоящим лингвистическим гением, буквально впитывая языки без каких-либо усилий. Однако книги не представляли для Боежки большого интереса, она увлекалась прикладным искусством, в особенности вышивкой, где ей не было равных. Приске, в отличие от

сестры, приходилось прилагать усилия для усвоения знаний, но она была усидчивой, и вскоре образование стало ее главной страстью. В своем стремлении открывать мир и познавать его все глубже она отличалась и от другой своей сестры, которая больше интересовалась куклами и нарядами. «Я гордилась тем, что у меня есть Знание», – отмечала Приска. С ранних лет она увлеклась христианством и частенько заглядывала на местное католическое кладбище по пути из школы. Особенно ее впечатляли надгробия и мавзолеи, девочка всегда интересовалась «новоприбывшими», сочиняла истории их жизни. Ее мать Паула всячески поддерживала жажду знаний и безумно гордилась, когда ее дочь стала первой в семье, кто поступил в местную старшую школу – гимназию им. Янки Краля. Школа выглядела внушительно: трехэтажное белое здание с лепниной было возведено в 1906 году напротив кладбища и городского муниципалитета. Приска стала одной из пятисот студентов этой школы, где учились с 10 до 18 лет. Там она изучала английский и латынь, помимо обязательных немецкого и французского языков.

Все остальные отпрыски семьи учились только в средней школе, за исключением Банди, который посещал экономический колледж. Азартная по своей натуре Приска побеждала на многочисленных олимпиадах, завоевывала академические награды, что всегда вызывало радость профессоров. Помимо того, что она стала любимицей учителей, Приска была еще и предметом мечтаний многих одноклассников – молодые люди часто просили ее помочь с заданиями по английскому языку и толпами собирались в ее саду, где она проводила занятия. Сама Приска говорила: «О Злате-Моравце у меня только самые светлые воспоминания».

Лучшей подругой Приски в школе стала Гизель Ондрейковичова, Гизка. Она была не только красива, но

и имела отличную репутацию. Отец Гизки был местным шефом полиции, чистокровным арийцем. Гизка не была столь прилежной ученицей, как Приска, поэтому ее отец пришел с предложением к семье Рона: если Приска поможет его дочери хорошо доучиться, то он снимет с кофейни все временные ограничения в работе, без каких-либо дополнительных налогов. Таким образом, Приска стала самым значительным ребенком для бизнеса семьи Рона. Пока Приска помогала своей однокласснице, их кафе было гарантировано спокойствие и процветание. Девушка отлично понимала всю ответственность, возложенную на нее предприятием, обожала свою подругу и была счастлива ей помочь. Девочки просидели за одной партой все школьные годы и вместе закончили школу.

После получения диплома у Приски было все, чтобы стать профессором иностранных языков. Она присоединилась к учительскому хору, вместе с которым путешествовала по стране. В их программу входили композиции националистического толка – «Я словак и словаком останусь». Эту песню она пронесет в сердце сквозь всю свою жизнь. По закону местного этикета с уважаемыми людьми нужно здороваться первым, и Приска принимала это уважение с большим удовольствием. За ней ухаживал профессор-ариец, приглашая ее по субботам на чашечку кофе, на танцы и ужин в местной гостинице. Ни тени мрачной мысли о том, что приятную жизнь может что-то нарушить, не пробегало в сознании семьи Рона и самой Приски. Евреев преследовали по всей Европе, русские учиняли погромы и расправы, но семья Рона обустроилась в Новой Европе, цветущей после окончания Первой мировой войны, развала Германской, Австро-Венгерской и Российской империй. В Чехословакии многие из них занимали видные должности, отлично ассимилировавшись в обществе. Евреи стали

неотъемлемой частью не только экономической области и производства, но и принимали активное участие в культурной и научной жизни общества. Повсюду выстраивались ешивы и синагоги. Семью Рона лишь слегка коснулся антисемитизм.

Однако суровые экономические условия, сложившиеся после Первой мировой войны, начали расшатывать нервы людям за пределами Германии. Адольф Гитлер, глава НСДАП (Национал-социалистическая немецкая рабочая партия) с 1921 года, выступал против того, чтобы евреи контролировали благосостояние страны, и обвинял их в многочисленных злодеяниях. На выборах 1933 года НСДАП собрала 17,2 миллиона голосов, и Гитлер был назначен рейхсканцлером Германии. Его восхождение к власти ознаменовало конец демократической Веймарской республики и начало общеизвестного Третьего рейха. В своих речах Гитлер осуждал капитализм и порицал всех, кто имеет отношение к большевикам, коммунистам, марксистам и Красной армии. В 1925 году он опубликовал свою автобиографическую манифест «Mein Kampf» («Моя борьба»), в которой заявил, что «персонификация дьявола как символа зла олицетворяется евреем», и обещал уничтожить евреев и другие нежелательные для Германии элементы, называя это «окончательным решением вопроса». Призывая население справиться с проблемами, которые представлялись следствием Первой мировой войны, Гитлер направляет свои штурмовые батальоны в атаку на евреев и их предприятия. Голос лидера нацистов доносился из каждого приемника – «Sieg Heil» («Да здравствует победа»).

В скором времени Гитлер начал исполнять свои обещания, и это спровоцировало быстрый экономический подъем, что закрепило его авторитет. Воодушевленная успехом администрация вводила законы по исключению евреев из политической, экономической и социальной

жизни Германии. «Дегенеративные» еврейские книги были сожжены, неарийцы были исключены из университетов, выдающиеся евреи – такие как Альберт Эйнштейн – депортированы. Нацизм цвел кострами оскверненных синагог, часто и с запертыми внутри евреями. Тротуары блестели под немецким солнцем осколками витрин еврейских магазинов, еврейские дома были раскрашены звездами Давида и оскорбительными лозунгами. Арийцев поощряли за сообщения об адресах евреев, страну охватила атмосфера недоверия и предательства. Еще вчера люди могли дружить семьями, их дети были знакомы с рождения, а завтра кого-то уже выводили на улицу пинками, избивали и арестовывали по наводке. Повсюду были шпионы-добровольцы, сдающие своих соседей ради того, чтобы наложить руки на их имущество. Сотни домов систематически разграбляли мародеры. Немецкие офицеры проводили досмотры и выселяли целые семьи в короткий срок ради понравившейся квартиры. Говорили, что «новые жильцы въезжали прежде, чем остывал хлеб в печи». Изгнанники переселялись в крошечные бедные районы, где им запрещалось вести прежнюю жизнь.

Физически неполноценные и психически больные – как арийцы, так и евреи – считались «недостойными жизни», их отправляли в лагеря или массово истребляли. У остальных же не было иного выбора, кроме как подчиниться Нюрнбергским расовым законам. Евреев подсчитывали, как скот, и насильно отделяли от других народов. Под тем, что нацисты называли «научным расизмом» ради сохранения чистоты немецкой крови, имелось в виду отделение «расово полноценных» от «евреев, цыган, негров и их грязных отпрысков» с полным отказом в правах человека. Закон о защите немецкой крови и немецкой чести аннулировал все смешанные браки, а евреев, уличенных в сношениях с арийцами, ждал смертный